I. ЯКОВЛЕВЪ.

Нападеніе горцевъ

на ст. Темнолѣсскую.

По воспоминаніямъ Ѳ. П. Павловой.

СТАВРОПОЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1914.

Нападеніе горцевъ на ст. Темнолѣсскую, по воспоминаніямъ О. П. Павловой *).

„Курица по зернышку собираетъ, да и сыта бываетъ“. Такъ говоритъ наша русская пословица. Не грѣхъ эту пословицу и намъ вспомнить.

Записывая и собирая воспоминанія стариковъ о ихъ прошлой жизни, мы могли бы собрать обширный и богатый матеріалъ для исторіи культуры нашего края. Нужно только намъ прислушаться къ разсказамъ и воспоминаніямъ нашихъ дѣдовъ и записывать ихъ. Они могутъ сообщить очень цѣнныя и рѣдкія подробности, которыхъ нельзя достать ни въ какомъ сочиненіи. Иногда подобныя воспоминанія намъ кажутся не стоющими вниманія, а между тѣмъ для историка они представили бы цѣнный матеріалъ, который можетъ погибнуть, благодаря нашему невѣжественному отношенію ко всему прошлому.

Скажутъ, если записывать всѣ воспоминанія, относящіяся къ прошлой жизни, то составятся большіе томы, въ которыхъ могутъ быть частыя повторенія, и соберется много ненужнаго хлама. Да! Но разбирая наши „томы“, историкъ хламъ выброситъ, а нужное заберетъ для своего труда. Вѣдь и въ архивахъ много бумагъ лежитъ ненужныхъ. Однако никто не скажетъ, что нужно уничтожить весь такой-то архивъ. Такъ мы бы погубили и очень цѣнные документы. Какъ разбирать архивы должны люди ученые, а не канцелярскіе чиновники, такъ и воспоминанія долженъ цѣнить историкъ. А такъ такъ между нами очень мало историковъ, то нужно воспоминанія запечатлѣть на бумагѣ, чтобы потомъ историкъ могъ сдѣлать надлежащую оцѣнку имъ и выбрать цѣнный кладъ. И такъ, будемъ записывать, не смущаясь тѣмъ, что запишемъ малоцѣнный матеріалъ. Изъ малаго можно составить большое.

„Отецъ мой въ то время служилъ фельдшеромъ въ крѣпости Стрижамептъ. На Михайловъ день вечеромъ онъ съ матерью

---

*) Воспоминанія эти разсказаны такъ, какъ ей передавали родители и записаны съ ея словъ учителемъ I. Яковлевымъ.

и еще однимъ спутникомъ ѣхалъ изъ города Ставрополя домо и везъ мѣстному маркитану водку. Ѣхали они, ѣхали и остано вились ночевать на дорогѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ставропольска дорога пересѣкается дорогой, идущей изъ ст. Барсуковской в Темнолѣсскую. Мать боялась ночевать въ степи и поэтому про сила мужчинъ ѣхать дальше, но они не согласились. Мужчин положились и скоро заснули, а мать спряталась подъ один кустъ. Посидѣла она подъ нимъ немного и подумала: „Нѣт Найдутъ черкесы!“ А въ тѣ времена очень опасно было ноче вать въ полѣ. Шайки черкесовъ такъ и шныряли по степи, за ня запоздавшихъ путниковъ. Тогда днемъ даже было опасн выѣзжать въ степь безъ оружія. Мало кто ночевалъ въ пол Если же и ночевали, то только храбрецы одни, да и тѣ боя лись разводить костеръ и спали забившись гдѣ нибудь въ ку ты. Такъ вотъ: выскочила она оттуда и перебѣжала подъ дру гой кустъ; оттуда подъ третій. Такъ она пробѣгала часа дв Потомъ кое-какъ разбудила и упросила мужа, отца моего, ѣхат дальше.

Не успѣли они отъѣхать версты три отъ того мѣста, гдѣ ночевали, какъ услышали позади себя крики. То черкесы напа ли на ѣхавшихъ позади ихъ изъ города, мужчинъ порубили, а женщинъ и имущество забрали съ собой. Отецъ съ матерью од доѣхали домой. Ужъ очень они перепугались.

Утромъ, разсказывали они потомъ, черкесы напали на Тем нолѣсскую. Бабы уже начинали печи топить и выгняли скотин со дворовъ на улицы. Когда поднялась тревога, жители стал прятаться кто куда могъ: кто схоронился въ погребъ, кто в сады, кто въ степь бѣжалъ, пользуясь туманомъ, а кто на гор въ коноплю. Тамъ сохли кучи мочечной конопли. Черкесы заби рали съ собой деньги, одежду, скотину и лошадей. Когда огра бятъ какой-либо дворъ, то вытащатъ перину или подушку в дворъ и выпустятъ изъ нихъ перья, для того, чтобы показат другимъ, что тутъ уже были, а потому не зачѣмъ заходить и тотъ дворъ. Нѣкоторые догадливые жители сами пускали перь по своему двору, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе. Иные из горцевъ выхватывали горѣвшія полѣнья изъ печи и поджигал

ограбленные ими дворы. Черкесы ограбили почти половину станицы. Выше случайно въ то время въ станицѣ солдаты забили въ барабанъ. Черкессы, услышавъ бой барабана, съ криками: „Тутъ салдусъ!" поворотили назадъ и не пошли въ ту часть, гдѣ были солдаты. Не будь солдатъ, навѣрное, не уцѣлѣла бы и остальная часть Темнолѣсской.

Разсказывали, что къ одной казачкѣ, мужъ которой былъ на мельницѣ, дня за три до нападенія, подглядывалъ въ домъ вечеромъ человѣкъ въ косматой шапкѣ, а у ней въ тотъ вечеръ сидѣли подруги дочери на посидѣлкахъ. Какъ только она замѣтила „гостя" въ окно, то сейчасъ же приказала тушить огонь и ложиться спать. Во время нападенія она спряталась въ курятникъ. Вдругъ слышитъ, что у нея по двору бѣгаютъ люди, а одинъ и говоритъ по-русски: „Ищи лучше. Тутъ марушка много хорошай". Русская рѣчь его указываетъ, что онъ былъ въ станицѣ и высматривалъ, гдѣ лучше добыча. Можетъ быть, это былъ бѣглый солдатъ изъ поляковъ, бѣжавшій въ горы очень давно. Тогда поляки часто убѣгали.

Хитрые были эти черкессы. Мужчинъ, напр., они почти никогда не брали, потому что мужчина или убѣжитъ, или еще что нибудь сдѣлаетъ такое. Больше всего они брали женщинъ и дѣтей, такъ какъ съ ними легче было сладить, и они не могли убѣжать. Однако попадались тогда между женщинами такія, которыя не уступали мужчинамъ но силѣ и ловкости". Тутъ для примѣра О. П. разсказала о храброй Лукьянихѣ, выколовшей горцу пальцами глаза. Такъ какъ разсказъ о ней записанъ г. А. Мельниковымъ, то я его опустилъ.

„Уходившимъ черкессамъ нужно было идти мимо крѣпости Стрижаментъ", продолжала она: „Солдаты выступили изъ крѣпости подъ прикрытіемъ пушекъ и перерѣзали путь черкессамъ. Они могли бы, если не половить, то перестрѣлять многихъ. Однако, начальство не велѣло стрѣлять, чтобы не побить плѣнъ, т. е. русскихъ, взятыхъ черкесами въ плѣнъ. Когда же черкесы переправились черезъ Кубань и стало ясно видно, что ихъ нельзя удержать, то только тогда позволили стрѣлять въ убѣгавшихъ черкессовъ. Черкессы были отъ солдатъ въ это время на такомъ

разстоянія, что выстрѣлы имъ не могли принести никакого вреда".

Это обстоятельство послужило поводомъ къ слѣдующему мнѣнію, ходившему въ народѣ: будто бы ст. Темнолѣсская была продана начальникомъ (?) на разореніе за двѣ борзыя собаки. Какимъ именно начальникомъ, я не могъ узнать. Черкесы подарили начальнику двухъ собакъ, а онъ обѣщался увести войска изъ Темнолѣсской и близлежащихъ станицъ и тѣмъ позволить черкесамъ ограбить станицу. На сколько это мнѣніе достовѣрно, не могу сказать, но только я слышалъ его отъ многихъ стариковъ, которымъ передавали ихъ родители.

I. Яковлевъ.

13 юня 1913 г.